

Гендрик Петкевич

Вильнюсский педагогический университет (Литва)
karpishuk@vpu.lt

Фольклор старообрядцев Литвы: взаимодействие и взаимообогащение культур

Традиционная культура русских старожилов долгое время оставалась практически неизвестной науке. Массовое собирание произведений русского фольклора в Литве началось гораздо позднее, нежели в соседних странах Балтии. В начале и в первой половине XX века записи носили случайный характер, были зафиксированы собирателями лишь единичные тексты, что не давало даже приблизительного представления о состоянии фольклорной традиции. И лишь в 1960-е годы, в связи с введением в учебную программу Вильнюсского университета диалектологической и фольклорной практики, полевые исследования заметно активизировались. Студенты-филологи побывали почти в каждой деревне, на каждом хуторе, жители которых считали своим родным языком русский. Этой трудоемкой работой руководила Нина Константиновна Митропольская (1921-1993). В архиве Вильнюсского университета хранится около 60 тысяч текстов, многие из которых представляют несомненную научную и художественную ценность. Этим архивам могут позавидовать многие исследовательские центры. В педагогических вузах Литвы учебная практика не проводилась, но члены фольклорного кружка Вильнюсского педагогического института под руководством профессора Юрия Александровича Новикова также проводили довольно активную собирательскую работу.

Новым этапом в собирании, систематизации и изучении фольклора можно назвать 1995 год, когда при Вильнюсском университете была создана Интердисциплинарная группа по изучению старообрядцев Литвы, позднее преобразованная в Ассоциацию исследователей старообрядчества в Литве. В Ассоциации объединились представители ряда смежных научных дисциплин: историки, этнографы, диалектологи и историки языка, фольклористы-словесники, специалисты по народной музыкальной культуре, рукописным и старопечатным книгам. С 1996 года организовывались комплексные экспедиции в разные районы Литвы и приграничные старообрядческие деревни Латвии и Бе-

ларуси. Отметим, что социокультурные процессы в современном мире определяются двумя генеральными тенденциями: с одной стороны, становлением единой постиндустриальной культуры, которая свидетельствует о значительных интеграционных процессах, с другой – повторным открытием национальных индивидуальностей, языка и культуры, обращением к проблеме этнокультурной идентичности. Материалы экспедиций показали, что, как и в прошлом, так и в настоящее время старообрядческие общины являются значительными духовными и культурными центрами. Сохраняя черты каноничности и непрерывную связь с традицией, эта часть русской культуры, конечно же, видоизменяется. Тем не менее некоторые важные ее аспекты остаются до сих пор мало изученными, а само старование является почти неизвестной и несколько загадочной для многих граждан Литвы религиозной традицией.

Своеобразным результатом экспедиций можно назвать трёхтомный сборник фольклора старообрядцев Литвы (I и II тома уже вышли, III – находится в издательстве). Это первое издание такого масштаба, знакомящее нас с фольклорными произведениями разных жанров, записанных от старообрядцев Литвы во второй половине XX века. Вышедший в 2007 году I том, подготовленный профессором Ю. А. Новиковым, включает более 200 текстов сказок, около 4000 пословиц и поговорок и свыше 300 загадок. Многие из текстов публикуются впервые, другие были напечатаны когда-то в малодоступных научных сборниках и журналах Литвы и России. Во II томе (2009 г.) публикуется более 1000 текстов, которые напрямую связаны с народной бытовой магией и мифологией, регламентируют поведение людей, объясняют особенности окружающего мира. Это христианские легенды, предания, поверья; календарные, семейные и хозяйственные обряды; заговоры и рассказы об их бытовании; мифологические сказания разных тематических циклов.

Знакомясь со сборниками, можно заметить, что, несмотря на географическую отдаленность от своей прародины, русские старожилы Литвы не были от нее изолированы в культурном плане: их фольклорная традиция оказалась открытой для восприятия и реализации общерусских тенденций развития духовной культуры в XIX–XX столетиях. Вместе с тем на систему жанров, на репертуар и даже на стиль местных певцов и рассказчиков определенным отпечаток наложили длительные контакты с соседними народами. Для Литвы, как отмечают исследователи,

не характерны компактные, тяготеющие к замкнутому образу жизни старообрядческие общины. Как правило, русские деревни соседствуют с литовскими или польскими, а еще чаще население в них смешанное – литовцы, русские, поляки, белорусы, литовские татары; до 1940 годов в маленьких городках проживало немало евреев. Это создавало исключительно благоприятные условия, «особый фольклорный микроклимат», способствующий активному взаимодействию и взаимообогащению традиционных культур разных народов. Особенно часто старообрядцы заимствовали у соседей сказки, бытовые лирические песни, пословицы и поговорки, загадки, исторические и топонимические предания. Во вступительных статьях к отдельным разделам и к томам в целом, в комментариях к текстам они сопоставляются с аналогичными произведениями литовского фольклора, а также с записями, сделанными от староверов Латвии, Эстонии и северо-запада Беларуси.

В районах с многонациональным населением в фольклоре каждого народа важную роль играют межэтнические и межконфессиональные отношения, проблема языкового барьера. Особенно это своеобразие региона отразилось в бытовых сказках старообрядцев. В сказках герои часто переходят с русского языка на польский (местный речевой этикет XIX века), их речь пестрит литовскими и белорусскими словами (лит. – *статула* / *statula*, *рагана* / *ragana*, *довинта* / *dovyti* [изводить], *шерюк* / *šeriuotas* [щетиный], *не рупи* / *nesirūpink* [не беспокойся], *рапуга* / *rupūžė* [жаба], *ачу* / *ačiū* [спасибо], белор. – *волна* / *воўна*, *веселье* / *вяселле*, *рушник* / *рушнік*, *сделай ласку* / *калі ласка*, *полеванье* / *паляванне*, *махляр* [обманщик], польск. – *млеко* [молоко], *крова* [корова], *нех жие* [пускай живёт], *понсул* [испортил], белор. и польск. – *хвороба* [болезнь], *марец* [март], *убочай* [извини], *упарта* [упрямая] и т.д.). В некоторых текстах обыгрывается взаимное непонимание носителей разных языков (русского и польского, польского и белорусского), персонажи отпускают весьма колкие остроты в адрес собеседников иной национальности:

Про белоруса и поляка-ксендза

Приходит к ксендзу белорус. Человек низко кланяется, снимает шапку. А дверь не закрыл, открытую оставил. Ксёндз был поляк и говорит вошедшему:

– *Замыкай!*

А белорус смотрит недоуменно на ксендза и молчит. Ксёндз снова повторяет своё слово. Белорус ему в ответ:

– Не могу!
В третий раз уже кричит ксёндз:
– Замыкай!
И тогда белорус замычал: «Му-у-у!»
(Новиков, 2007, 346)

Побасенка

В Литве поляки живут и русские. Раньше поляки Литвой владели, а литовцев, русских не любили, за людей не считали. Говорили:

– Мы, поляки, из белой пшеничной муки сделаны, а вы – из глины.

А русские отвечают:

– Вас Бог из пшеницы сделал, а собака прибежала и взяла, не отдаёт. Рассердился Бог, стал собакой об дерево бить. Где об ольху ударит, где – об вишню, где – о берёзу, о сосну. Вот и получились Ольшевские, Вишневские, Березовские, Сосновски., А нас, русских, Бог из глины сделал и в огне обжёг. Вот и стали мы крепкие, и собака нас не трогает.

(Новиков, 2007, 345-346)

Однако такое непонимание весьма редко. Свободное владение старообрядцами двумя или тремя языками способствовало расширению фольклорного репертуара, заметно обогащало арсенал художественно-выразительных средств. К примеру, влиянием литовской традиции объясняется пристрастие русских сказочников к речитативеому или напевному исполнению повторяющихся стихотворных формул, обилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, характерными и для разговорной речи литовцев, и для языка их народной поэзии. Отмечается и творческий подход исполнителей к заимствованным эпизодам и образам, стремление подчинить их своей национальной традиции (Ужа – заменяет водяной, Бабу-ягу – рагана или змея) Особенно эти процессы проявились в пословицах и поговорках. Заимствованные у поляков и белорусов пословицы чаще всего употребляются без перевода (сказывается родство языков), литовские же обычно переводятся дословно (калькируются). Можно сказать, что билингвизм и полилингвизм – обычное явление этих мест. Цель данной статьи исследовать белорусскую составляющую в фольклоре старообрядцев Литвы. Учитывая довольно ограниченный объем статьи, остановимся только на жанре пословиц и поговорок.

В пословицах довольно много реалий, отражающих проживание старообрядцев по соседству с белорусами. *Два Юрья, а оба*

дурни: один холодный, другой голодный – праздник святого Георгия Победоносца отмечается два раза в год – весной, 23 апреля по старому стилю, когда в хозяйстве заканчиваются все припасы (голодный), и в начале зимы, 26 ноября (холодный). В большинстве областей России Георгия Победоносца в народе называют *Егорий*, у белорусов распространена другая форма его имени – *Юрий* (*Юрья*). Поэтому данный текст, скорее всего, позаимствован у соседей-белорусов. Белорусские имена встречаются и в других текстах: *Як Якуб Богу, так и Бог Якубу* (Новиков, 2007, 431); *Па Юрке и шапка* (Новиков, 2007, 507). «Все пословицы народом строятся» (Новиков, 2007, 434) – это действительно так. Проживая по соседству с белорусами, старообрядцы начинают использовать в своих пословицах слова, обозначающие родственные отношения. Такие близкие каждому белорусу слова как «*матуля*», «*жонка*», «*бацька*» встречаются в этом фольклорном жанре весьма часто:

Не поймёшь – или дровы секёт, или жонку бьёт. (Слышно: «Эх-эх-эх!»)

По-твоему, жонку отдай дяде, а сам воротись к бацьке? Дудки!

Дал Бог урожай – бацька дочку наряжай.

Как бацька набил – что я знал, и то забыл.

Все глаза бацьке завесил.

Залепи бацьке дерьмом бороду.

Забирай свои сбруи и отчаливай к матуле!»

(Новиков, 2007, 385-533)

Швагры, швагерки, мальцы, дитюки, бабули, дзядули – получили также постоянную прописку в ярких паремиях:

Швагра бьёт смагло. («Швагра» – швагер, деверь)

Швагра, целуй смагло! («Смагло» – это крепко или сильно)

На что это похоже – жену от швагерки отличить не может!
(«Швагерка» – сестра жены)

Были девкам[и], были мальцам[и]; всё прошло, как через пальцы.
(«Малец» – парень, юноша)

Громче петухов девки поют, мальцам спать не дают.

Как тюк, так дитюк. (Частые дети).

(Новиков, 2007, 385-533)

Часто даже сами исполнители отсылают нас к «белорусским первоисточникам»: «*Маменька, меня мальцы любят! Как проз люди – всё камнем в груди*». (Приходит ободранная вся. «Что в тебя?» «Ма-

менька, меня мальцы любят...» «Проз люди» - как выйти на люди...
Это идёт с белорусского; просто байка такая). (Новиков, 2007, 391)

В пословицах и поговорках старообрядцев Литвы исследователи находят довольно большой пласт вкрапленных бытовой белорусской лексики. Это своеобразный результат исторически нараставшего сближения русских старообрядцев с их соседями-белорусами:

Век прожить – не мех сшить («Мех» - мешок)

От тюрьмы, от торбы не отрекайся.

Оженился мешок с торбой – ну, и добра!

Морда – не торба, не для всякого.

Сердце, як на плите фаерце. (Сердце плохо ему... На простых плитах есть фаерки – круги такие)

Матка бьёт – на печку гребись (забирайся), муж бьёт – за клямку держись. (Т. е. убегай из дома; «клямка» - щеколда для открывания двери)

Людей оговорил, что в варятке язык обарил. («Вараток» - кипяток)

Там тебя прямо за дупу – и на цвек! («и на цвек» - на гвоздь, пол. «дупа» - задница)

Разум – не кисет, с кишеня не выберешь. («Кишень» - карман)

Забирай свои цацки (игрушки) и иди на свой дединец (двор).

Другой радости нет – то и хрен цацка.

Попал в пастку – и кукуй. («Пастка» - мышеловка, ловушка, капкан)

По чужим кутам всю жисть не проживёшь. (Присловье к беззельному.) («Кут» – угол).

(Новиков, 2007, 385-533)

Не исключено, что с белорусским влиянием связана и пословица (без белорусской лексики) – *Не привязанный медведь не пляшет*. В имении князей Радзивилов в XVII-XIX веках находилась знаменитая «Сморгонская медвежья академия», где дрессировали медвежат для выступлений в *медвежьей комедии*, *медвежьей потехе* на ярмарках. «Выпускники» Сморгонской академии со своими вожатыми «гастролировали» во всех северо-западных губерниях Российской империи. Из приведенных выше примеров мы видим, что люди, живущие по соседству, не могли находиться в изоляции. Между ними возникали торговые, культурные, бытовые отношения. Общаясь между собой, соседи заимствовали друг у друга предметы домашнего и личного обихода. Одновременно

усваивали и называющие их слова. «Чужие» слова иногда так прочно усваивались, что люди даже «забывали их иностранное происхождение»:

Животный и растительный мир

Промежу их щура не пролезет. («Щура» – крыса. Это уже дружно живут, договоривши.)

Сидит, як щура под метлой.

Развелось, как пацук хвостатых. («Пацук» – крыса)

Нацунался, как пацук на крупы.

Визжит, как парсюк недорезанный. («Парсюк» – боров, поросёнок)

Как шпаки – однодверцы, однодырцы. (Это бедные уже.) («Шпаки» – скворцы)

Цапнул, как ботьян жабу. («Бацян» – аист)

Сменял быка на индыка (индюка).

Пошла Юля по цыбулю, а ни Юли, ни цыбули. («Цыбуля» – лук)

Поехал с бураками на мельницу.

Кончилась бульбяная (картофельная) каша. (Бульбяная каша не такая уже и важная, а, значит, и она кончилась).

(Новиков, 2007, 385-533)

Торговые отношения

Ведёшь гандель и торжок – всегда полный горшок. («Гандель» – как обмен товара идёт: «Давай сгандлюем!» Ещё есть такая байка: «Чем гандлюешь?» «Мелким рысом.» «С кем гуляешь?» «С чёртом лысым!»)

В один день два кирмаша не отбудешь. («Кирмаш» – сельская ярмарка, базар)

Раньше так и на кирмаш не одевались.

Нам бы гроши и девушки хороши. («Гроши» – деньги)

(Новиков, 2007, 385-533)

- А ты за чым?

- Куплять зайчин! (нечего делать человеку, идёт прогуляться на ярмарку или зайти в магазин. Встречают его: «Куда?» «В магазин» «А за чым?» «Куплять зайчин» Ему, может, говорить нельзя, за чем...)

(Новиков, 2007, 482)

Трудовые отношения

Какая праца, такая и плата. («Праца» – работа)

Кусок хлеба с рук валится – говорят, не заробил. (Шуточная примета; «заробил» – заработал)

Гультай не боится, что залежится. («Гультай» – лентяй)

Нашли толочанов – им своих сосков не подобрать! («Толочане», «талачане» – участники «толоки», совместной работы)

Увага – делу на благо. («Увага» – внимание)

Взялась и роби (работай).

Ходишь, как бык по шкоды, без делов. («Шкода» – вред, порча)
(Новиков, 2007, 385-533)

Традиции

А вот моя пасага (приданое), могу замуж выходить. (О «смерётной одежде», заранее приготовленной для похорон. В народных обрядах и обычаях смерть нередко уподобляется свадьбе)

Чего плачешь? Веселися, бо вяселля твоя дисе! («Вяселля» – свадьба)

Пришла рогатка в хату. (Это сынова уже – невестка, сноха)

Такие деньги я и на могилах получу. (Мало. «Могилки» – кладбище, «получить на могилах» – получить подаяние на кладбище в дни поминовения умерших)

Конечно: панам яечня (яешня), а тебе клёцки. («Ай, ай, чем же вас угостить?») Самое лучшее в старину было – яичницу, самому дорогому гостю. А теперь яичницу пекут, как нечего кушать)

Конечно: свату яечня, а жениху – клёцки.

(Новиков, 2007, 385-533)

Народы-соседи всегда много заимствуют друг у друга, особенно в языке. И чем теснее отношения рядом проживающих людей, тем все больше редких, малоупотребительных слов одного народа мы находим в лексике другого. Исследователей не удивляет, когда в пословицах и поговорках старообрядцев мы встречаем такие слова как снеданне (завтрак), падвячорак (полдник), ён / яна (он / она), нядзеля (воскресенье), махляр (лгун), смачный (вкусный), нашто (зачем), шчырый (искренний), нарэшыце (наконец-то), травень (май), вяликий (большой) и другие. Но вызывает приятное удивление, когда старообрядцы в свои фольклорные произведения включают «особые слова» белорусов. Так довольно часто у староверов встречается белорусское слово «хвароба» (болезнь), «болька» (болячка) – Отстань, хвароба, иди ты на сухой лес! (Фрагмент заговорной формулы.) (Новиков, 2007, 395); Чужая болька не болит. (Новиков, 2007, 406); Какая его хвароба несёт?; Какая хвароба, такое и лекарство (Новиков, 2007, 509). Но мы можем также встретить и «белорусскую конкретизацию» болезни:

Чтоб тебя мышки хватили! (Это лошадь мышки хватают. Люди говорят – крота живого замучить, порвать, эту лошадь погладить в кротовой крови, и пройдут эти мышки. И про человека так само: «Чтоб тебя мышки хватили!» А как хватают, конь весь дрожит и валится.) В белорусском языке «мышки» – «хвароба каня» (болезнь лошади).

(Новиков, 2007, 491)

Огромное количество в исследуемых пословицах белорусских глаголов *журицца* (печалиться), *жабраваць* (побираться), *маю* (имею), *ратуй* (спасай), *зробім* (сделаем), *загаіцца* (зажить), *трэба* (надо) и других. Каждый глагол мы встречаем в записях не один раз. Возьмем глагол «куляцца» (кувыркаться, падать):

От нашего порогу куляйся всю дорогу!

Как вкуллся, так и выкуллся. (Это тоже пьяниц касается – он войдёт, а его оттуда выбросят. Или спрашивают: «Был у вас?» «Был. А как вкуллся, так и выкуллся».

Обобщая весь этот материал, процитируем яркую поговорку – *Некриничный ручей быстро высыхает* (Новиков, 2007, 381). Как жизнь ручья зависит от ключей, родников (чем их больше, тем лучше), так и пословичный фонд русских старообрядцев Литвы постоянно питают живые родники – и духовное наследие предков, и золотые зерна народной мудрости литовцев, поляков, белорусов, евреев, и новые речения .

ЛИТЕРАТУРА

Живое слово. Фольклор русских старожилых Литвы, 1999, сост. Новиков Ю. А., Вильнюс: ВПУ.

Русские пословицы Литвы: Из собр. Е. Колесниковой, 1992, сост. Новиков Ю. А., Щадрина Т. С. 1992, Вильнюс: Вага.

По заветам старины. Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы, 2005, сост. Новиков Ю. А. 2005. СПб: Трoпа Троянова.

Новиков Ю. А., 2007, *Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Сказки. Пословицы. Загадки 1*. Вильнюс: ВПУ.

Новиков Ю. А., 2009, *Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Народная мифология. Поверья, Бытовая магия 2*. Вильнюс: ВПУ.

Folklore of the Old-believers' in Lithuania: Interaction and Mutual Enrichment of Cultures

Summary

The author of the article states that, to some extent, old-believers' folklore in Lithuania came under the influence of long contacts with bordering nations. The statement is illustrated by ample examples.

It is not characteristic for old-believers' communities in Lithuania to lead an insular and closed life. As a rule, Russian villages neighbor with Lithuanian or Polish ones, and what is even more common that inhabitants in these villages are of different nationalities, i.e. (consisting of) Lithuanians, Russians, Poles, Byelorussians, and Tatars of Lithuania. Also, Until 1940s in small towns quite a few of Jews lived. This situation of "special folklore microclimate" used to (and still does) foster active interaction and mutual enrichment of traditional cultures of different nations.

Bilingualism and polylingualism is a common phenomenon in Lithuania. The old-believers usually speak two or three languages which are mostly spread in Lithuania. It is a prerequisite for extending of folklore repertoire and enrichment of artistic and expressive means of expression.

Thus, the aim of the article is to identify Byelorussian paradigm in folklore of the old-believers in Lithuania. As far as the format of the article is limited the author focused only on the genre of proverbs and sayings. The author advocates that proverbs of the old-believers in Lithuania is constantly enriched by live sources of ancestors' spiritual heritage, golden grains of national wisdom of the Lithuanians, Poles, Jews, and Byelorussians.

Key words: *folklore of the old-believers, interaction and mutual enrichment of cultures, Byelorussian paradigm, folklore genres.*